Яков
МИНЧЕНКОВ

Воспоминания о передвижниках

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…За простоту, незлобность и искренность его и любили товарищи. К экспонентам он тоже относился доброжелательно. При баллотировке не давал голоса только таким вещам, где действительно не было никаких художественных достоинств. Если же наталкивался на картину нового течения в искусстве, казалось бы для него неприемлемого, но не бьющего крайней безграмотностью, он давал за нее голос, говоря:

– Ну, что же, пускай и этот художник покажется, может, и его кто поймет…»

- Яков Данилович Минченков
  -
  - Примечания

Яков Данилович Минченков
Клодт Михаил Петрович

Как-то Лемох, указывая на Клодта, сказал нам полушутя:

– Вы не забывайте-с, что Михаил Петрович барон, фон Юргенсбург! Так-то-с!

На это Максимов только присвистнул и ответил:

– Куда тебе! Знай наших!

Все рассмеялись, а Михаил Петрович нисколько не обиделся и смеялся вместе с нами; это был поистине самый добродушный и безобидный человек в Товариществе.

Я помню его с девяностых годов, и в продолжение двадцати лет не замечалось в нем никаких перемен. Маленького роста, сухощавый с небольшой бородкой клином, с нерешительной, качающейся походкой и речью, для которой он не сразу находил подходящие слова. Он никогда ни на кого не обижался, ни о ком не отзывался дурно, никому не причинял какой-либо обиды.

За простоту, незлобность и искренность его и любили товарищи. К экспонентам он тоже относился доброжелательно. При баллотировке не давал голоса только таким вещам, где действительно не было никаких художественных достоинств. Если же наталкивался на картину нового течения в искусстве, казалось бы для него неприемлемого, но не бьющего крайней безграмотностью, он давал за нее голос, говоря:

– Ну, что же, пускай и этот художник покажется, может, и его кто поймет. Нас ведь тоже того… не сразу, ну вот… тоже не все признавали.

За эту снисходительность его иногда упрекали:

– У тебя, Михаил Петрович, все хороши, ты вечно так.

А Клодт с особой своей манерой – как-то поддергивать усы к носу – отвечал:

– Ну вот, что ж, и вечно и вечно, какая беда?

Его картины в Третьяковской галерее – «Последняя весна», «Татьяна», «Больной музыкант», «Перед отъездом» – своим чувствительным, но искренним содержанием отвечали раннему периоду передвижничества. Когда же появились новые требования к формальной стороне искусства – Клодт со своей темной живописью показался устаревшим и затерялся на выставках. Он, видимо, махнул на себя рукой и почти перестал работать. Изредка приносил на выставку небольшую вещь, которую потом редко кто помнил даже из товарищей. Добродушнейший Михаил Петрович и к этому относился

хладнокровно. От него не слыхали ни одного горделивого слова о прежних его работах, а работал он немало и пользовался в свое время успехом.

Он был сыном знаменитого скульптора эпохи Николая I, Петра Карловича Клодта, автора памятника И. А. Крылову, аничковских коней и памятника Николаю I, но это ему только вредило. Говоря о Михаиле Петровиче, в большинстве вспоминали его отца, разговор переходил на него, на его эпоху, а Михаил Петрович как-то уходил в тень.

Отец его пользовался особым благоволением царя, даже играл некоторую роль при дворе; Михаил Петрович благодаря этому стал служащим Эрмитажа, где числился, кажется, реставратором картин.

Петербург был городом, где очень много находилось таких пристаней в различного рода «обслуживаниях, хранениях», а иногда и совершенно пустопорожних областях человеческой бездеятельности.

Сколько было комиссий! Даже члены Академии художеств, наши старые передвижники, порой не знали, как им поспеть во все комиссии. На выставках они должны были присуждать премии, приобретать картины для музеев, там обсуждать какой-то проект, а в Исаакиевском соборе осмотреть мозаику и бронзовые барельефы на дверях. За передвижение от одного места до другого каждый член комиссии получал соответствующее вознаграждение. Так, за удостоверение, что мозаика в Исаакиевском соборе находится в неизменном виде и бронза на дверях поворачивается вместе с ними на роликах, уплачивалось пятьдесят рублей каждому участвовавшему в комиссии.

Не знаю, в чем заключались обязанности Михаила Петровича, но, видимо, он мог вполне существовать на получаемое в Эрмитаже содержание и не нуждался в заработке; таким образом отпадал и последний стимул, толкавший многих художников к работе.

Клодт не представлял собой яркой фигуры и был интересен лишь как маленький собирательный фокус, в котором отражалась и преломлялась петербургская чиновная жизнь, жизнь Академии художеств и жизнь его отца, связанная с придворным бытом. Он сам не принимал большого участия в этой жизни, распылялся в маленьких ее черточках, которые, лишь спаянные вместе, дают общую картину некоторых кругов.

Михаил Петрович не придавал значения черточкам из окружавшей его жизни, и от него трудно было добиться подробного и связного рассказа о ней. В его коротких воспоминаниях, как легкие тени, проскальзывали лица и события,

в которых отражалась его эпоха. Короткие фразы его речи приходилось склеивать для ясного представления, а иногда даже расшифровывать, потому что для него, как коренного петербуржца, казалось ясным и не требовавшим пояснения то, что для многих было совершенно неизвестным или непонятным.

Он рос в благоприятных условиях обеспеченной семьи. Отец его исключительной силой своего таланта, не имея систематического художественного образования, создал себе положение в обществе и приобрел славу. Лошади Аничкова моста являются гордостью нашего искусства не только у нас, но и за границей, украшая площади Берлина и Неаполя. Русские путешественники, любуясь в Берлине на дворцовой площади прекрасно изваянной лошадью, часто не знают, что это повторение аничковой лошади Клодта.

Михаил Петрович рассказывал, что у отца его были свои лошади, и очень хорошие. Был кучер, который любил лошадей, гордился ими и имел привычку обгонять все экипажи на улице. Однажды он задался целью обогнать самого царя.

Дело намечалось нешуточное и пахло оно если не потерей головы, то по меньшей мере поркой и переменой климата. К царю даже подъезжать близко не позволялось, а поравняться или обогнать – упаси боже!

Но спорт, как известно, ставит все на доску. И вот однажды, только начал Клодт в своем экипаже спускаться с Дворцового моста, как от Зимнего дворца в коляске выехал царь Николай I.

Кучер Клодта пропустил его на порядочное расстояние, а потом щелкнул вожжами, и горячие кони быстро догнали экипаж царя, обогнали его и пошли впереди.

Царь даже приподнялся. Узнал Клодта и погрозил ему пальцем, Однако на этот раз Клодту сошло безнаказанно, хоть и потрясся он несколько дней. Пробрал хорошенько кучера и приказал даже не ездить мимо дворца.

Но благополучие Клодта с этого момента перешло в чужие руки – его судьбой стали править, как лошадьми, кучера. Кучер Клодта задел самолюбие кучера царского, и тот лаконически передал первому: «Теперь держись, посмотрим, чья возьмет!» Словом, был брошен вызов на состязание.

Случай для благородного кучерского соревнования скоро представился. Едет Клодт по Сенатской площади, а у Морской улицы толпа, Раздается «ура!». Значит – царь.

Кучер Клодта насторожился, бросил лошадей в толпу, едва не передавив народ, выехал на Морскую и погнался за царем. Народ кричит «ура», Клодт кричит кучеру и тычет его палкой в спину, чтобы остановить, – ничего не помогает! Его экипаж уже

поравнялся с царским. Кучер царя, увидав своего соперника, нажал на лошадей – и началась бешеная скачка к ужасу наблюдавшей улицу полиции, не знавшей, что подумать.

И на этот раз лошади Клодта победили. Клодт уж и не помнил, что ему показывал в этот раз царь. Похоже было на кулак.

История кончилась бы для Клодта плохо, но его выручили из беды те же кони, только медные. Он в это время окончил и уже отлил лошадей для Аничкова моста. Царь приехал, посмотрел и пришел в восторг.

– Это они? – спросил царь и указал пальцем вдаль, очевидно, намекая на живых клодтовских лошадей, его обогнавших. Действительно, Клодт лепил именно с них. – За этих, – сказал царь, указав на медных, – прощаю.

В воспоминаниях Михаила Петровича, которые и другие товарищи дополняли теми или иными черточками, выступали типы прежнего времени и обрисовывались порядки старой Академии художеств.

Здание Академии представляет собой лабиринт зал, квартир, мастерских. Кого только не видела в своих стенах Академия! Мастерские переходили по наследству от одного художника к другому, и в них жили иногда люди, даже не причастные к искусству. При обследовании помещений уже в недавнее время обнаружены были мастерские, не значившиеся в описях и про которые никто не знал.

Вспоминали времена ректора И. и соучастника в его делах пейзажиста профессора Клевера.

При них было грандиозное хищение средств Академии, из которой выкачивалось все, что можно было взять. Под видом ремонта вынимались даже балки из академических стен, считавшиеся почему-то ценными, и заменялись более дешевыми. При Академии была устроена прачечная, обслуживавшая чуть ли не весь Васильевский остров; доход от нее шел в кассу И.; приобреталось несуществующее имущество, применялись и другие изобретательства в деле наживы. Передавали, что ректор делился доходами с каким-то князем, не брезгавшим этими источниками и обещавшим при случае выручить ректора из беды. Но когда И. попал под гласный суд, князь отрекся от него и не защитил. И. присудили к ссылке. В этой истории запутался и Клевер. Суд пощадил его как участвовавшего в преступлениях по легкомыслию.

Пожалуй, что это так и было.

Более легкомысленного и расточительного человека, чем Клевер, трудно найти. Он был немец, но у него, как говорилось,

душа, да и карман были по-русски нараспашку. Безусловно талантливый художник, набивший руку в своей манере письма и понравившийся широкой публике передачей утрированных эффектов природы, Клевер занялся настоящей фабрикацией картин по особому своему шаблону.

Писал их быстро и хлестко. Бывали случаи, когда на глазах заказчика в один день или вечер Клевер успевал написать целую картину.

Деньгам он не знал счета, бросал их на разные затеи и сорил ими направо и налево.

Однажды весной, получив за работу несколько тысяч рублей, он нанял пароход с оркестром, заказал богатый обед с винами, явился в Александрийский театр и предложил всем артистам по окончании спектакля совершить прогулку на пароходе. Артисты приняли предложение. Прогулка вышла на славу, все были в восторге. Рассвет встречали в открытом море под звуки оркестра, с бокалами в руках, а домой с парохода Клевер возвратился с совершенно пустыми карманами.

Это не останавливало его. Он писал новые эффектнейшие картины, являлись новые покупатели, даже иностранцы, и через короткое время Клевер устраивал новый грандиозный бал.

Казалось, Клодту были знакомы и отпечатались в его памяти каждая часть Петербурга, каждый квартал и дом, имеющий какое-либо значение в жизни города.

Шли мы с ним по Английской набережной, он показывал почти на каждый дом и знал, кто в нем живет сейчас и кто проживал раньше. «Здесь вот князь… ох, какие балы… и еще Пушкин сюда ездил… А тут откупщик жил и захотел, чтобы у него швейцар в ливрее, да вот… не удалось».

Прошу: «Михаил Петрович, расскажите!»

– Пустяки, чего там!.. Постойте, вот на этом месте телеграф стоял.

– Какой телеграф?

– Да ну вот… как это?.. Беспроволочный. Это было в пятидесятых годах. Ну, вот тут, а другой на той стороне, на Васильевском острове. На них такие знаки – вертят там или как… Это вот когда ледоход, переправы не было и мостов. Отсюда приказами и новостями машут, а мы, значит, с острова своими новостями отмахиваемся, ну вот так…

– Значит, как моряки сигналами?

– Вот-вот-вот!

От Николаевского моста показывает на большой, дом и напротив меньший.

– Это женский институт, а что напротив – не знаю.

Оказывается, что и с этими домами у него связаны воспоминания.

– Так вот – это сейчас институт, а раньше роман…

– Какой, чей?

– Тут везде романы. Этот вот – был дворец князя (он назвал имя, но я его позабыл), а напротив жила мадам. Так вот, когда княгиня выезжала куда-либо из дворца, а князь оставался один, у него в этом окне горела лампа, а напротив у мадам тоже загоралась. Ну вот, князь, крадучись, через улицу – к мадам. Мы с товарищами подслушали, как об этом говорил отец, все сюда бегали: горит лампа или нет.

Вечерело. На набережной было прекрасно, как иногда бывает в Петербурге перед наступающей весной. Тихо. Легкий последний снежок убелил Сенатскую площадь и обрисовал силуэт Медного всадника. В последних лучах вечерней зари догорал высокий шпиц Адмиралтейства.

– Ведь вот умели… – показывает палкой кругом Клодт.

– Кто? Что?

– А вот те, что раньше – художники, архитекторы, скульпторы! Вот какое настроили!

– Да, прекрасно, что и говорить.

– А из Петра, должно, больше воды не выкачивают.

– Из Петра воду?

– Ну да, а как же. Спина у лошади проржавела и продырявилась. Так вот туда дождь, снег, замерзло. Стал конь под Петром пухнуть. Заглянули, а там вот лед. Ну, так пожарные кишкой промывали.

Спускались нежно-бирюзовые сумерки, задрожали огоньки по набережной, у памятника и в домах со строгими классическими архитектурными линиями. Еще более обрисовывался щеголь – аристократический Петербург. Недоставало только идущей по набережной фигуры Пушкина в костюме тридцатых годов…

– Вот, вот, прекрасно! – говорит Клодт. – А только очень скверно пахнет.

– Михаил Петрович, откуда? где?

– А вот там внизу, в Сенате да Синоде… Как начался великий пост – проходу мимо нет: сторожа, того… кислую капусту на постном масле – зажимай нос и беги. Ну, а только мне, – спохватился Михаил Петрович, – давно надо быть дома, а я вот гуляю.

Я обещал его проводить, если он расскажет еще что-нибудь про эти места.

– Ведь здесь, – говорю ему, – ходили великие наши поэты, писатели, воспевали чуть не каждый камень. Разыгрывались исторические события…

– А больше всего… романы, – дополнил Клодт. – Ходили все, гуляли, назначали свидания.

– Ну ладно, рассказывайте хоть про романы.

– Да разве их перескажешь, когда и цари туда же! Ходил анекдот из вон оттуда (указал на дворец). Правда или нет – не знаю, а того… говорили. Александр II любил – ну вот… насчет клубнички и иногда по вечерам в офицерской шинели, подняв воротник, бродил по этим местам. Здесь одна интересная… он знакомится, рекомендуется офицером, она вдова полковника. Ну того… она разрешает прийти к ней, но с черного хода. Царь доволен, что удалось сохранить инкогнито, что его не узнали, ночью идет по адресу, со двора. Заднюю лестницу моет прислуга. Он – ну вот, как пройти к полковнице? А та: «Что ты, что ты, батюшка. Уходи скорее, сюда скоро сам царь пожалует!» Вот тебе и инкогнито! Пришлось удирать.

В кругу чиновных людей, их интересов и переживаний, придворных интриг и сплетен проходили многие дни Клодта. Здесь он иногда брал сюжеты для своих картин, но здесь и увязал, отрываясь от искусства, которому вначале так искренне служил. На выставки он приходил совсем порожняком – не приносил ничего.

О нем думали: «Ну что же, не может работать по искусству, пусть хоть приходит на собрания, товарищ он хороший».

Слышно было, что он в свои поздние годы вторично женился, на француженке. И вот является раз во время устройства выставки давно не показывавшийся Михаил Петрович, ведя за руку маленькую прелестную девочку.

Все его обступили.

– Это что такое? Откуда вы добыли такое сокровище?

А Клодт с гордостью отвечает:

– Это… это… мой последний экспонат!

Тут все товарищи стали наперебой тащить к себе его дочку. А она живая, смелая: когда Волков усадил ее к себе на плечо, она с хохотом схватила его длинную бороду, как вожжи, и погоняет, точно лошадь: «Но! но! но!»

Волков поздравляет Клодта:

– Ты Михаил Петрович, как тебе сказать, то есть – лучшего сюжета, чем эта дочурка, за всю жизнь не мог придумать.

Клодт довольный-довольный скромничает:

– Ну вот… это… такой же пустяк… Ну, право, ничего не стоит!

Примечания

Клодт фон Юргенсбург Михаил Петрович (1835–1914) – живописец-жанрист. Сын скульптора П. К. Клодта. Окончил петербургскую Академию художеств. В 1867 г. получил звание академика. Был одним из членов-учредителей Товарищества передвижников и до конца жизни участвовал на его выставках. Лучшие произведения М. П. Клодта реалистичны, жизнь и быт простых людей он изображал с душевной теплотой и сочувствием, порой с оттенком сентиментальности.

Клодт фон Юргенсбург Петр Карлович (1805–1867) – крупный скульптор, литейщик, педагог. С 1838 г. – академик. Автор знаменитых скульптурных групп «Укротители коней» на Аничковом мосту в Ленинграде (повторения двух из этих групп были установлены также в Берлине и Неаполе), памятников баснописцу И. А. Крылову и Николаю I (оба в Ленинграде) и др.

Времена ректора И. – имеется в виду П. Ф. Исеев – конференц-секретарь Академии художеств и одновременно управляющий канцелярией и хозяйственной частью Академии. В 1889 г. он был судим и сослан в Сибирь в связи с обнаруженными в Академии художеств хищениями. Существует предположение, что таким образом были прикрыты злоупотребления, допущенные президентом Академии – великим князем Владимиром.

Клевер Юлий Юльевич (1850–1924) – пейзажист. Учился в петербургской Академии художеств. С 1878 г. – академик, с 1881 г. – профессор. Создал немало правдивых, свежих и поэтичных пейзажей. Однако большой спрос на его произведения нередко толкал художника к погоне за шаблонными внешними эффектами, к живописи салонно-академического характера.